

Алексей Максимович Горький

ПОКОЙНИК

...Я шагаю не торопясь по мягкой серой дороге между высоких – по грудь мне – хлебов; дорога так узка, что колосья опачканы дегтем, спутаны, поломаны и лежат в колеях, раздавленные.

Шуршат мыши, качается и никнет к сухой земле тяжелый колос; в небе мелькают стрижи и ласточки, значит – где-то близко река и жилье. Глаза, блуждая в золотом море, ищут колокольни, поднятой в небо, как мачта корабля, ищут деревьев, издали подобных темным парусам, но – вокруг ничего не видать, кроме парчовой степи: мягкими увалами она опускается к юго-западу, пустынна, как небо, и так же тиха.

В степи чувствуешь себя, как муха на блюде – в самом центре его, чувствуешь, что земля живет внутри неба в объятии солнца, в сонме звезд, ослепленных его красотой.

Вот оно – большое, рдяно-красное – далеко впереди на синем краю неба важно опускается в белоснежные бугры облаков; колосья осыпаны розовой пылью заката, васильки уже потемнели, и в предвечерней тишине ясно слышишь всё, о чем поет земля.

В небе веером раскинуты красные лучи, один из них касается моей груди и, точно жезл Моисея, вызывает к жизни горячий поток мирных чувств: хочется крепко обнять вечернюю землю и говорить ей певучие, большие, никем не сказанные слова.

Посеяны звезды в небе, и земля – звезда; посеяны люди на земле и я среди них, чтобы бесстрашно ходить по всем дорогам, видеть всякое горе, всю радость жизни и вместе с людьми пить мед и яд.

...Есть хочется, а в котомке с утра – ни кусочка, это мешает думать и несколько обидно. Такая богатая земля, и так много сработал на ней человек, а кто-то голоден...

Вдруг дорога повернула в правую сторону – распахнулась стена хлебов и открыла степную балку, по дну ее вьется голубая река, новый мост висит над нею, отраженный в воде, – мост желтый, точно из репы вырезан. За мостом приникли к пологому утोरью семь белых хат, на угорье – левада, высокие осоки бросают на деревню длинные пушистые тени, стреноженный конь ходит между серо-серебряных стволов, взмахивая хвостом; густо веет дымом, дегтем, моченой коноплей, кудахчут куры и устало плачет ребенок – сейчас он заснет. Если бы не эти звуки, можно думать, что всё в балке наскоро, но умелой рукой написано ласковыми красками – они уже поблекли на солнце,

В полукруге хат – криница, рядом с нею – красная часовенка, узкая и высокая, она – точно одноглазый сторож. Наклоняется к земле, поскрипывая, длинный журавль; баба, вся белая, черпает воду, подняла вверх голые руки, вытянулась, и кажется, что сейчас взлетит на воздух, легкая, как облако.

Около криницы блестит черная грязь, точно измятый бархат; двое молодцов, лет пяти и трех, оба бесштаные, заголившись по пояс, молча тискают грязь желтыми ногами, точно желая втереть во влажную массу красный блеск солнца. Эта добрая работа очень занимает меня, я смотрю на солидных мальцов сочувственно, с живым интересом – солнце и в грязи на своем месте, чем глубже в землю проникнет оно, тем лучше и земле и людям!

Сверху – всё словно на ладони. Семь хат на хуторе – не найдешь здесь никакой работы, но – приятно будет поболтать вечером с добрыми людьми. Иду на мост, полный задорного и веселого желания рассказывать людям разные чудесные истории, – ведь это необходимо для них, как хлеб.

Из-под моста встречу мне – точно кусок земли ожил – поднялся крепкий, давно нечесанный, небритый человек в широких синих штанах, в раскрытой холщовой рубашке, серой от грязи.

– Добрый вечер!

– И вам. Где идете?

– Это какая река?

– Это? А Сагайдак же...

На его большой круглой голове буйно вьются полуседые кудри, усы коротко подстрижены. Маленькие глаза смотрят зорко, недоверчиво и, видимо, считают количество дыр и заплат на моей одежде. Вздохнув глубоко, он вынул из кармана глиняную трубку на камышовом чубуке, прищулив глаз, внимательно посмотрел в черную ее дыру и спросил:

– Спички есть?

– Есть.

– А табак?

– И табаку есть немного.